

XXXIII г.

№ 7

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXIII

1902

Вышел 16-го февраля 1902 г.

Цена этого №—20 к., съ пер. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1902 г.

Безъ доставки влетворбуръ.	Безъ дост. въ Москвѣ въ конторѣ К. Петровскія линіи.	Безъ доставки въ Одессѣ въ кн. маг. «Образованіе» Риншельская, 12.	Съ доставкою въ Петербургъ.	Съ пересылкою во все мѣсто Россіи.	За грав. и пер.
5 р. 50	6 р. 25	6 р. 50	6 р. 50	7	10 р.

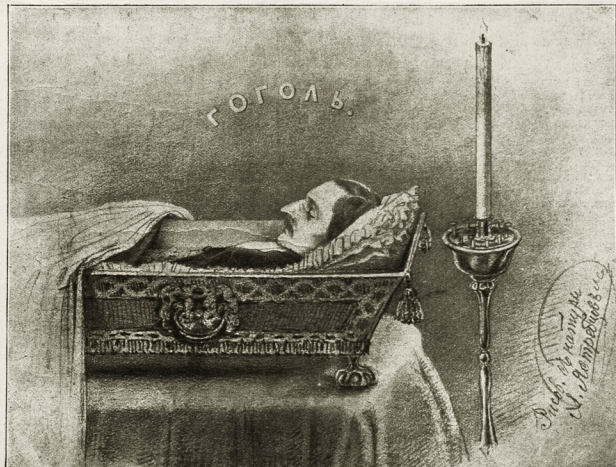
Къ этому № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за февраль 1902 г.

Къ 50-лѣтію кончины Гоголя.

21-го февраля 1902 г. вся Россія торжественно и съ чувствомъ безконечной благодарности справляетъ пятидесяти лѣтнюю годовщину со дня кончины Гоголя.

Говорить, что выдающееся историческое значеніе этого великаго русскаго писателя еще не вполне выяснено. Мо-

жетъ-быть, ученые современники еще долго будутъ устанавливать значеніе Гоголя, опредѣлять его заслуги передъ литературою и обществомъ. Но достаточно сказать, что имя Гоголя одно изъ самыхъ популярныхъ русскихъ именъ, что нѣтъ во всей Россіи сколько-нибудь грамотнаго человѣка, память

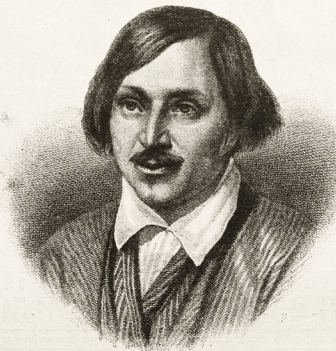

Гоголь въ гробу. Рис. съ натуры А. Ястребцова (собств. «Нивы»), авт. «Нивы».

которого не сохранила навсегда образы, созданные Гоголем, что и мы пропихиваем громадным значением этих образов для уяснения себе русской действительности и общественных наших задач, чтобы и значение самого Гоголя, как художника, как общественного деятеля, было для нас навсегда великих сомнений.

Гоголь был великий художник. Только такие художники способны создать бессмертные образы и типы, т.-е. отбросить своим гениальным пером самые характерные черты быта и жизни своего народа. Пока жив русский народ, до тех пор будет жить и созданное Гоголем. Когда мы вспоминаем наш XVIII вѣкъ, хотимъ себя представить, чтобы были наши предки въ этомъ вѣкѣ, мы невольно останавливаемся на образахъ, созданныхъ Фонвизинномъ. Та же роль принадлежитъ Гоголю для XIX вѣка. И если фонвизинские типы до сихъ поръ не устарѣли, если мы въ нихъ узнаемъ плоть отъ нашей плоти, если мы не можемъ отрицать, что многія черты нашего быта и нашего общественного самосознанія преемственно перешли къ намъ отъ тѣхъ нашихъ предковъ, съ которыхъ сатирикъ XVIII вѣка списалъ свои портреты, то это въ тысячу разъ больше прилично къ гоголевскимъ типамъ. Только крайнее самолюбивое можетъ подкалывать мысль, будто бы эти типы отжили свой вѣкъ: всѣ они еще живы, всѣ они въ неизмѣнномъ видѣ встрѣчаются еще такъ же часто, какъ встрѣчались при Гоголѣ, когда ихъ появленіе на сценѣ или на страницахъ его бессмертныхъ произведеній приковывало къ себѣ страстное вниманіе всякаго русскаго человека.

Впрочемъ, зачѣмъ намъ останавливаться на значеніи Гоголя, какъ художника? Оно теперь, по прошествіи 50 лѣтъ послѣ его смерти, вылилось для всѣхъ окончательно. Менѣе, быть-можетъ, вылилось то, что составляетъ живую душу всѣхъ его художественныхъ созданій. Что Гоголь былъ великій юмористъ,

Гоголь въ началѣ сороковыхъ годовъ.

своимъ словомъ». Откуда же горечь его слова? Что вызвало въ немъ знаменитыя «незримыя слезы»? Если мы всѣ признаемъ законность этихъ «слезъ», если мы всѣ сочувствуемъ имъ, если мы всѣ говоримъ себѣ: да, современное Гоголю положеніе Россіи не могло не вызывать этихъ «незримыхъ слезъ» и этого «горькаго слова», то мы, значитъ, сливаемся съ Гоголемъ въ одномъ чувствѣ, значитъ, источникъ этого смѣха, этихъ слезъ у Гоголя и у насъ одинъ и тотъ же, значитъ, душа Гоголя намъ родственна и близка, значитъ, тѣ общественныя несовершенства, которыя вызвали въ Гоголѣ его сатиру, его «незримыя слезы» и его «горькое слово», наполняютъ и нашу душу скорбью. Вывелись ли у насъ и Чичиковы, и Маниловы, и Ноздревы, и Собакевичи, и Городничіе, и Хлестаковы, и Добчинскіе, и Бобчинскіе? Всѣ они въ замѣненномъ видѣ живы теперь, какъ живы были при Гоголѣ, и, вдумываясь въ судьбу нашей родины, давая себѣ отчетъ въ общественныхъ ея недугахъ, мы

Гоголь въ 1834-мъ году.

схватаемъ надъ всѣми этими типами тѣмъ же «горькимъ смѣхомъ», какими научилъ насъ смѣяться надъ ними великій нашъ писатель. Надо ли, въ виду этого очевиднаго для всѣхъ

что сатирический его гений стоитъ выше всякихъ сомнѣній, что его сатира коснулась не только низшихъ сторонъ русской жизни, но и внутренняго ея существа, что Гоголь умѣлъ возводить свои образы въ «перлъ созданія», что многіе выведенные имъ типы какъ бы навсегда высечены изъ самаго прочнаго металла.— все это считается теперь безспорнымъ. Пластическій его талантъ, художественный его гений пользуется общимъ признаніемъ. Но есть одна сторона его творчества, которая въ некоторыхъ людяхъ еще возбуждаетъ сомнѣнія. Эта сторона, какъ принято у насъ выражаться, касается его «міросозерцанія». Но не имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ явнымъ недоразумѣніемъ? Гоголь, какъ вѣто-звѣстный пророкъ, събѣлся горькимъ

Гоголь въ своей усадьбѣ Васильевкѣ. Съ картины Волкова авт. «Нивы».

Губернаторская дача, въ которой Гоголь читалъ свои «Мертвые души».

Флигель, въ которомъ жилъ Гоголь.

Нъ пребыванію Гоголя въ Калугѣ. Губернаторская дача и флигель. По фот. авт. «Нивы».

факта, еще доказывать, что мы с Гоголем единомышленники, что то чувство любви к родине, которое воодушевило Гоголя, воодушевляет и нас, что о внутреннем разладе между Гоголем и нами не может быть и речи.

Но если мы являемся к этому отношению единомышленниками с Гоголем, если лучшие струны нашей духовной жизни сливаются с благодарным и плодотворным сочувствием к возвышенным стремлениям души Гоголя, то где же начинается мнимый разлад, и существует ли он вообще? Не есть ли он плод неверного понимания как окружающей нас жизни, так и самих себя. Говорить, что Гоголь является родоначальником всей реалистической литературы XIX века. В этом есть несомненное преувеличение: «Бригадир» и «Недоросль», не говоря уже о сатире Кантемира, несомненно, вызвали к жизни и «Ревизора», и «Мертвые души». Мно-

гому научился Гоголь и у Пушкина, «Евгений Онегин» которого представлял собою одну из лучших и реалистичнейших картин русской жизни. Но не может подлежать сомнению, что глубокая взмученность и наблюдательность Гоголя, в области явлений окружающей нас действительности, со всеми ее бытовыми, общественными, политическими и общечеловеческими чертами, породили широкое

чувство художественные типы в роде Штольцых, Тупиных, Сосиных и безконечное их потомство в современной русской литературе, которые ныне в ней действительно преобладают.

Это течение в русской литературе и в русской жизни не очевидно еще в достаточной мере, но о нем пора вспомнить в тот момент, когда мы, по случаю пятидесятой годовщины кончины Гоголя, воздаем ему хвалу, какой удостоились немногие русские люди. Вспоминая и об этой заслуге великого нашего писателя, мы не можем не вспомнить тех слов, которые он косвенно уже русую вложил в уста одного из положительных своих типов. Особенно изобразил печальную картину чиновников России, он говорит: «Множество управлений образовалось другое правление, гораздо сильнее великого законного... И никакой правитель, хотя бы он был мудрейший законодатель и правитель, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действительных чиновников чиновников приравненных к надзирателям других чиновников». Надо, во что бы то ни стало, «воздвигнуть не правды», против хищничества, взяточничества, общественных злоупотреблений всякого рода, и в виду этого положения, в виду того, что настало время

1) С. Я. Утковский. 2) Н. М. Смирнов. 3) А. Ф. Кабыръ. 4) В. Д. Кошарный. 5) П. А. Квашнин-Самарин. 6) А. Кудравецъ. 7) В. Я. Быковскій.

Къ пребыванию Гоголя въ Калугѣ. Губернаторъ Н. М. Смирновъ и чиновники губернскаго правленія. Съ акварели Алексѣева, по фот. арт. «Нивы».

течение в нашей литературе, — столь широкое, что оно захватило ее почти всю без остатка. Изображение отрицательных сторон русской действительности со времени Гоголя стало преобладающим мотивом почти всей русской литературы второй половины XIX века. Но при этом, обыкновенно, упускается из виду, что и положительные типы Гоголя, указывавшие на то, чем могут быть исцелены общественные наши несовершенства, наложили такой же сильный отпечаток на всю русскую литературу, и что чем больше она приближается к XX веку, тем яснее становится этот отпечаток. От Костанжого, противопоставленного Гоголем всему его Маниловым, Ноздревым, Плутоксам, Тряпичниковым, от гоголевского генерал-губернатора, противопоставленного им горючому, идет через всю русскую литературу второй половины истекшего века течение, сперва как бы малое и узкое, но постепенно расширяющееся и захватывающее все новые стороны русской действительности, — течение, представителями которого явля-

«списать нашу землю», что «гибнет земля наша не от несчастия двадцати иноземных языков, а от нас самих», Гоголь призывает всех «вспомнить долг, который на всяком имеет предостиг человек». Это были больше или меньше послышны его слова, и эти слова являются призывом и всей современной русской беллетристики. Поиравие на каждом шагу общественного долга, — вот что заставляло Гоголя проливать «незримые слезы», смяться «горьким смехом», вот истинный источник этих «слез» и этого «смеха». Но разве исполнение общественного долга теперь у нас распространено, разве мы далеко ушли от того положения дѣла, которое заставляло Гоголя смяться «горьким смехом»? И может ли при таких условиях идти речь о разладѣ между великим писателем и нами? Тут нѣтъ разлада, а есть полное единомыслие и глубокое сочувствіе, благодаря которым нынешніи поминки по Гоголю справляются всѣми такъ торжественно и съ чувствомъ такой безграничной благодарности...

Живы-ли „мертвые души“.

Ставя такой вопрос, мы имеем в виду, конечно, не ть души, которая съ удивительной мошеннической ловкостью скупалъ Чичиковъ, разбѣгая по проселочнымъ дорогамъ, а души его героев, главнымъ образомъ, героев наиболее зрѣлыхъ и властныхъ (потому что они продолжали еще властвовать надъ нашими умами) произведений, какъ «Ревизоръ» и «Мертвые души». Живы-ли городничий и его штабные, живы ли Чичиковъ и т. п., съ кѣмъ они встрѣчаются, кого онъ проводитъ? Или это деревянные куклы съ рычагами на лбу и надписями: «мошенникъ», «пахать», «скупой» и т. д.?

Что это, люди или только пороки, недостатки, грѣхи, оторванные отъ богатой человеческой природы и унижающіе ее своими претензіями на жизнеспособность? Самъ Гоголь уже мучительно задавался этимъ вопросомъ, а рядомъ съ нимъ и послѣ него этотъ вопросъ тревожилъ многихъ. Понятно почему. Произведения Гоголя не только самое смѣлое, а пожалуй, и своеобразнѣе, что только есть написаннаго на русскомъ языкѣ, но пока и самое властное. Теперь, 50 лѣтъ послѣ смерти ихъ творца, они, ихъ настроеніе продолжаютъ парить надъ нашими умами. Вся наша литература послѣдняго полуувѣла идетъ отъ Гоголя. По мѣткому выраженію В. Розанова, «Пушкинъ вытѣсненъ Гоголемъ» — вытѣснены жизнеспособность, непосредственность, способность охватывать бытіе, и все это замѣнилось мрачнымъ и тоскующимъ раздумьемъ надъ жизнью, отъ котораго только скамывается сердце и падаютъ руки. И жутко это больше всего потому, что Гоголь «создалъ ту форму, тотъ типъ, выдавъ изъ который вотъ уже въсѣмъко десятилѣтъ текутъ всѣ наши мысли и чувства. Идея, которыхъ онъ вовсе не высказывалъ, ощущенія, которыхъ совсѣмъ не возбуждалъ, возникнувъ много времени спустя послѣ его смерти. всѣ, однако, формируются по одному опредѣленному типу, источникъ котораго находится въ его твореніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эти творенія лежатъ перелъ нами, все, что не въ духѣ Гоголя (т. е. не въ духѣ отрицанія жизни и проиш надъ ней), не имѣетъ силы и, напротивъ, все, что согласуется съ нимъ, какъ бы оно ни было слабо само по себѣ, растетъ и укрѣпляется». Но если такова власть Гоголя и «гоголевскаго» надъ умами, тѣмъ страшнѣе подумать, что ошибался онъ самъ, выдавая деревянныхъ куколъ, съ надписью «мошенникъ», за живыхъ людей, а про-

нью надъ жизнью, насмѣшку надъ ней — за самую доводную живую натуру.

Не страшенъ сонъ... хотя почему-то онъ снится многимъ толковымъ и талантливымъ людямъ.

Подходя къ человеку и готовясь нарисовать его портретъ на полотнѣ своей гениальной кисти, Гоголь всегда спрашивалъ, между прочимъ: «скажи, любимый, какой же отъ тебя собственно прокъ для ближнихъ, для отечества, для людей вообще». Въ этомъ бытъ-можетъ проявлялась особая холерская (а можетъ быть, и вселаванская) складка его ума, которая

опредѣлилась въ немъ очень рано. Существовать даже подергиваніе, что и первая юношескія вещи, — т. е. въ которыхъ молодой, не сознавшій себя гений только расправляетъ свои крылья, написаны ими ради ближайшихъ цѣлей. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе выяснялась эта особенность его натуры, — его активность въ самомъ широкомъ и шумномъ смыслѣ слова. Своему свободному творчеству онъ сознательно ставилъ предѣлы и цѣли. Онъ думалъ сначала о томъ, какъ бы сдѣлать лучше самого себя, какъ бы самому избавиться отъ своихъ недостатковъ. Эта задача увлекала его. «Съ этихъ поръ, — говорить онъ: — я сталъ надѣяться своихъ героев свѣрхъ ихъ собственныхъ гадостей, моей собственной дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: извѣстно дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ знаніи и на другомъ поприщѣ, стараясь себя изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе.

Могила Гоголя на кладбищѣ Данилова монастыря въ Москвѣ.

преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкой и всѣмъ, чѣмъ ни полагал... Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего вначалѣ, для меня самого, онъ бы точно содрогнулся...» Гоголь прямо говоритъ и этими, и другими словами, что первая цѣль его творчества было желаніе стать лучше самому. Конечно, мы не повѣрили ему вполнѣ, мы прекрасно знаемъ, что творчество человека, тѣмъ болѣе гениальное творчество, никакимъ цѣлямъ подчиняться не можетъ. Но частью было и это, а потому все болѣе. Уже не ради исправленія самого себя, а ради исправленія людей сталъ писать (или думать, что онъ пишетъ) Гоголь. Вотъ первые враги, которыхъ онъ встрѣтилъ въ окружающихъ — это ихъ самолюбиво, поразительная пошлость ихъ жизни, ничтожество тѣхъ цѣлей, которыя они преслѣдуютъ, скудость и хамство ихъ духа вообще. Въдъ въ «Ревизоръ» и «Женить-

бы», въ первой части «Мертвых душ» все дѣйствующія лица, несмотря на все свое самодовольство, хамы и трусы, — все они рабы, хотя и имѣютъ рабовъ подъ собой. «Важнѣе всего была въ Гоголѣ та мысль, которую онъ приносилъ съ собою въ это время повсюду. Мы говоримъ объ энергическомъ пониманіи *вредна, производимаго пошлостію, дѣла*, повторялось это съ одной стороны, и грубымъ самодовольствомъ, кичливостью и ничтожествомъ моральныхъ основаній съ другой. Въ его преслѣдованіи темныхъ сторонъ человѣческаго существованія была страсть, которая и составляла истинное нравственное выраженіе его филозофій. Онъ ненавидѣлъ пошлость откровенно и наносилъ ей удары, къ какимъ только была способна его рука, съ единственной *цѣлью* — потрясти ее, если можно, до основанія...» Подъ конецъ своей жизни Гоголь пересталъ уже творить. Онъ хотѣлъ только учить, проповѣдывать, указывать путь. Онъ думалъ, что овладѣлъ истиною. Изъ-подъ его пера выходили совѣты, напояченія, упрёки. Онъ постоянно говорилъ объ обязанностяхъ. Съ точки зрѣнія обязанностей онъ разбираетъ семейную и общественную жизнь. Онъ учитъ, какъ надо обращаться съ женой, дѣтми, рабами, какъ надо служить, писать, работать, вообще вести свое хозяйство. То, что есть самаго цѣннаго въ человѣческомъ творчествѣ, — свободное проявленіе его свободного духа — больше не прельщаетъ его. Онъ готовъ даже счесть все это соблазнами. Онъ видитъ зло и борется съ нимъ. Онъ старается создать образцы для подражанія. Искусство, само по себѣ, перестаетъ существовать для него. Оно стало поученіемъ и проповѣдью. Онъ стремится создать уставъ всей чело-вѣческой жизни, — вся жизнь въ его глазахъ

обращается въ цѣль обязанностей, неисполненіе которыхъ ведетъ за собою и упрёки совѣсти, и общественное зло. Отъ каждаго человѣка онъ требуетъ дѣла, требуетъ, чтобы онъ оставилъ *идею* себя иль что нибудь полезное.

Но эта *идея* его — натуры, его характера, такъ рѣзко проявившаяся въ немъ подъ конецъ жизни, жила въ немъ всегда. Оттого-то онъ какъ бы сосредоточился на изображеніи *служилого* сословія. Конечно, въ то время оно было наиболѣе на виду. Официальная Россія могла легко закрыть отъ глазъ наблюдателя всю Россію вообще. Но, и кромѣ того, какъ разъ въ духѣ Гоголя было спросить себя, какъ же служатъ служащіе люди, какую пользу приносятъ тѣ, что по самому существованію своего общественного положенія должны приносить ее? Вспомните судью, голагощаго зайцевъ и размышляющаго о созданіи міра, почтенителя боготудныхъ заведеній, придерживающагося самыхъ простыхъ способовъ дѣленія, горючнчаго и его штабъ вообще. *Служенія* не видно, зато великое мастерство по той части, какъ и гдѣ ухватить и урвать. И сами служащие, сами эти официальные лица въ форменныхъ вишь-мундирахъ превосходно понимаютъ, какъ они не-

ужны, какъ даже просто вредны, потому что кому, какъ не имъ, знать лучше всего о своихъ подданныхъ. Недаромъ же прямо-таки ребяческой страхъ овладѣлъ ими, когда разнесется слухъ о реформѣ. На что полезное, сознание ими, могутъ указать эти люди, призванные совершить полезное? Ни на что, а вѣсто этого — на рядъ насилій, издѣвательствъ, обмановъ, шутовскихъ и мошенническихъ проделковъ. Нисколько не лучше обстояло дѣло и въ другой части служилого сословія — въ кругу помѣщиковъ. По исконному воззрѣнію дореформенной Россіи, а отчасти даже и по смыслу законодательства, все помѣшкіи состояли на государственной службѣ. За владѣніе землей и крѣпостными они несли повинности, и довольно тяжёлыя, были обязаны службой, въ точномъ смыслѣ этого слова, вплоть до грамоты Екатерины. Эта грамота освободила

ихъ отъ службы собственно, но не отъ повинностей вообще. Они должны были блюсти порядокъ въ своихъ деревняхъ и со-дѣйствовать, по мѣрѣ силъ, благосостоянію крестьянъ. Иначе, ихъ владѣніе не оправдывалось ничѣмъ. Но что это за блюстители порядка и что это за опекуны — Маниловы, Ноздревы, Плюшкины, Тятинкины, Истухи и т. д. Это враги крестьянства, враги земли прежде всего, потому что ничего создать они не могутъ, а могутъ лишь разорить подданныхъ себя мужиковъ и пустить ихъ по міру. Затѣмъ же они тутъ, чѣмъ платить они обществу за свои привилегіи? А что они должны быть на землѣ для чего-нибудь, дѣйствительно хорошаго и цѣннаго, что они должны отплачивать чѣмъ-нибудь за свои привилегіи — въ этомъ Гоголь не сомнѣвался ни на минуту. Идеалъ хорошаго, рачительнаго хозяина былъ у него постоянно въ головѣ, все равно, какъ и идеалъ хорошаго чиновника. Конечно,

но, только по обстоятельствамъ времени Гоголь не коснулся духовенства, но, вообще говоря, не трудно угадать, какія бы фигуры вылились въ данномъ случаѣ изъ-подъ его пера. Что же такое представлятъ изъ себя служилое сословіе въ его изображеніи? Это сословіе не служитъ: оно не создаетъ ничего полезнаго, оно пребываетъ въ лѣни; стремится къ самымъ ничтожнымъ и пошлымъ цѣлямъ жизни, предано чревоугодию, мелкимъ дригмамъ и снѣгѣмъ. Оно — туеядецъ-хищникъ. Оно живетъ насчетъ вѣзотъ и мужицкаго труда, и расхищаетъ землю. Оно неуживо, потому что, на самомъ дѣлѣ, какой же правды можно добиться отъ Тятинки-Япкина или горючнчаго, какой пользы отъ Манилова и Ноздрева? Помѣшкіи и чиновники перестали быть тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ — служами государства; за ними остались лишь имя и привилегіи чиновниковъ и службъ. Но оправдать этихъ привилегій уже нельзя, потому что оправданы онѣ могутъ быть лишь работой, дѣломъ, пользой. Передъ нами дѣйствительно цѣлая галлерея *мертвыхъ душъ*, но мертвыхъ исключительно съ общественной точки зрѣнія.

Но Гоголь коснулся и другой стороны вопроса. Свою практи-

„Римъ“. Аннуциата. Рис. К. Тромба, трав. Кремль.

Тарась Бульба съ сыновьями. Ориг. рис. А. Д. Князешко, грав. Дюдинъ.

Собственноручный рисунок Гоголя къ послѣдней сценѣ „Ревизора“.

ческую точку зрения онъ развилъ до ея крайнихъ предѣловъ. Свои требованія къ служащему чиновнику, служащему пошлицу—онъ распространилъ на человѣка вообще. Его требовательной натурѣ жизнь человѣка представлялась, какъ обязанность, какъ долгъ, который долженъ быть выполненъ. Съ замѣчательно легкимъ пониманіемъ себя и своего творчества онъ

видѣ анахорета и пустыинника, меня занимало и, на этой дорогѣ, нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ немъ елѣтъ къ душѣ человѣка и что еще никто изъ душевнателей не восходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ онъ... Итакъ, на цѣлоторое время занятіемъ моимъ сталъ не рус-

«Мертвые души». Ноздревъ и Чичиковъ. Ориг. рис. М. М. Далькевича, лит. «Иппы».

говорить: «человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ моихъ наблюденій. Я обратилъ вниманіе на знаніе тѣхъ, вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человечество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природою человѣка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до испо-

скій человѣкъ и Россія, но человѣкъ и душа человѣка вообще... Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть захватывать за человѣкомъ, ловить душу его въ майскихъ чертахъ и движеніяхъ, по которымъ пропускаются безъ вниманія людьми—и я пришелъ къ Тому, Кто одинъ пол-

ный Вдатель и отъ Кого одного я могъ только узнать на- бие душ». Эти воть размышления заставили Гоголя требо- вать отъ человека не только исполненія своихъ обяза- ностей и служения обществу. Онъ рѣшилъ, что не на- правено и не случайно живеть человекъ здесь на землѣ, что ему предстоитъ исполнить извѣстное назначеніе. Ка- кое же? Прежде и больше всего — совершенствовать себя, стремиться къ недостигаемому идеалу, завѣщанному религіей, бороться со всѣми, гнѣдящимися въ душѣ, недостатками и грѣхами, смотреть на жизнь вообще, какъ на суровую школу испытанія и борьбы, сосредоточиться на мысли о неизбежной смерти и готовиться къ ней. Отъ радостнаго міровоззрѣнія, съ какимъ Гоголь выступилъ на ли- тературное по- прище, отъ того времени, когда онъ любовался жизнью, какъ за- влекательной и пріятной и вѣрой стихійныхъ и человѣческихъ силъ, не оста- лось и слѣда. Все суровое и требо- вательное стано- вилось имъ, по- мѣръ того, какъ основная идея его натуры, что жизнь есть дѣло, работа, обязан- ность, долгъ — развивалась и обострилась. Не- прихитримыя но- ты проповѣдника начинаютъ зву- чать въ его голо- вѣ. Онъ прихо- дитъ въ ужасъ и содроганіе отъ жизни людей. Его прямо-таки пуга- етъ непониманіе людей и пошлость ихъ жизни. Мысль о смерти стано- вится господ- ствующей. Длин- ную, горную тѣнью надетъ она на весь его духовный міръ.

Нудское легкомысліе, возможность прожить долгіе и долгіе годы, ни разу не задавши себѣ вопроса: «зачѣмъ я живу?», «какою смѣсь моего существованія?» — казалась ему преступ- нымъ. Онъ готовъ былъ не просто поучать, но и бичевать. Но съ точки зрѣнія этихъ высшихъ, чисто религіозныхъ вопросовъ, чѣмъ же является дѣйствующія лица Гоголя? Конечно, опять- таки какъ бы мертвыми душами, и въ этомъ случаѣ на ихъ мертвенность больше всего жалуются самъ Гоголь. «Видать и не задумываются, не понимаютъ» — такъ формулиро- вать онъ отношеніе своихъ героев къ загадкамъ жизни и самой большой, самой таинственной изъ нихъ загадкѣ — смерти, которая одна «должна бы указала имъ путь ихъ сердца».

Однако эти мертвые, — но лишь съ точки зрѣнія этихъ высшихъ заповѣдей, которые предъявлялъ къ нимъ самъ Гоголь, меч- тающихъ о землѣ, населенной героями, подвижниками, святыми —

души поражали своей жизненностью даже такого тонкаго цѣ- нителя, какъ Пушкинъ. «Пушкинъ — разсказывать Гоголю въ «Автобіографіи»: — уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, посѣтъ того какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, по которому, однакоже, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «Какъ съ этой способностью *улавливать* человека и пѣсокскими чертами выставилъ его изрѣтъ всего, какъ живого, съ этой способностью не принятія за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!» На самомъ дѣлѣ, великая способность угадыванія человека никогда не оставляла Гоголя, но всегда надо имѣть въ виду, что онъ выставилъ

людей подъ та- кими высокими давленіемъ обще- ственныхъ усло- вій, и въ то же время предъ- ставлялъ имъ такіа огромная требо- ванія, такъ без- жалостно проти- вопоставлялъ имъ — малень- кихъ, забы- тыхъ, принижен- ныхъ тому луче- зарному идеалу подвижниковъ искусства, по- движниковъ жиз- ни, который по- стоянно былъ не- редъ его глазами, такъ настоячиво требовалъ отъ нихъ дѣла, слу- женія, пользы, преданности вы- сочайшимъ иде- ямъ, что, можно сказать, онъ самъ выдавалъ ихъ намъ головами, самъ го- раздо раньше и прощательнѣе насъ пропалсъ надъ ними своей суровой прито- воръ и заявить, что они не имѣ- ютъ права жить. Гоголь, самъ не- сколько о томъ не заботясь, самъ нисколько того не желая, былъ-можетъ даже въ противорѣчіе наиболее доро- гимъ своимъ убѣжденіямъ, всей своей дѣятельностью, какъ сатирика, показавъ намъ, что на самомъ дѣлѣ могутъ быть такіа противостественныя, такіа ужасная условия жизни, что человеку трудно, почти невозможно принять то человѣ- ческое, что въ немъ есть, что если оно и проявляется, то лишь робко и несмѣливо изъ-подъ того тяжелаго бремени, которое навалили на него условия общественной жизни.

Возьмите, напр. Акакія Акакіевича, героя «Шинели»: «Виц- мундиръ у него былъ не зеленый, а какого-то рыжеватого-муч- ного цвѣта. Воротничокъ былъ на немъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, вы- ходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, бѣгавшихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипаало къ его вицъ-мундиру: или

«Мертвыя души». Плюшкинъ и Чичиковъ. Ориг. рис. М. М. Дальневича, авт. «Нивы».

сидя клялся, или казая-нибудь пачочка...» «Ой, если и глядеть на что, то видеть на всем свои чистая, ровными почерком выписанные строки, и только развѣ, если, неизвестно откуда извинясь, лошадиная морда поминалась ему на плечо и запускала поцарапаный пѣтеръ ему въ щеку, тогда только замѣчать, что, ой, не на среднѣ строки, а на среднѣ улицы... Приходи домой, хлѣбать наскоро щи... не замѣля ихъ вкуса, ѣтъ все это съ мухами. Замѣтивши, что жѣлоуды начинаютъ пучиться, вставалъ вѣзъ за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переносилъ бумагу, приписанная на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ сичаилъ парочку для собственнаго удовольствія копѣю для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу... Написавшись вѣстель, онъ ложился спать, ублажаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ, — что-то Богъ пошлетъ переносить завтра...»

Пока, очевидно, передъ нами не человекъ, а какое-то уродливое порождение канцелярѣи. Весь смыслъ своей жизни онъ видитъ въ переносѣ и только въ ней; отнимите отъ него переноску, и онъ перестаетъ существовать. «Врядъ ли,—продолжаетъ Гоголь:— гдѣ можно было найти человека, который такъ жилъ бы въ своей должноти. Мало сказать — онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тахъ, *въ этомъ переносиваннн ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный миръ*. Паслаждение выражалось на лицѣ его; нѣкоторые буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой и поведеніемъ, и подмигиваніемъ, и пожатіемъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводитъ перо его...»

И во всемъ этомъ слишкомъ мало жизни: вы видите передъ собой лишь стегутинившій канцелярскій воздухъ, приписавшій видъ человека: видъ Гоголь въ единомъ словѣ не намекаетъ на то, что въ его Акакіи Акакіевичѣ жилъ непризнанный художникъ, артистъ неудачникъ, котораго тяжелая судьба заставляла выводить лишь безконечный рядъ все тѣхъ же и тѣхъ же буквъ. Ни честолюбія, ни полета мысли. Забитое человеческое существо ни о чемъ не думаетъ, ничего не хочетъ, никуда не стремится, и все человеческое какъ будто чуждо ему. Онъ не мечтаетъ, да и не смѣетъ мечтать, о семь; у него нѣтъ знакомыхъ, товарищей, друзей, общества: одна ли у того, что находится въ одиночномъ заключеніи, такъ сужена человеческая жизнь и человѣчскіе интересы, какъ у Акакіи Акакіевича. Вы уже готовы назвать его мертвецомъ, народѣмъ на человѣка, показавъ, даже разразившись злобнымъ словечкомъ, какъ вдругъ вбѣходите такую странницу: «...Молодые чиновники подѣмывались и огрѣли нѣдъ нѣтъ, но сколько хватало канцелярскіе остроумія, рассказывали, тутъ же передъ нѣтъ, разная составленная противъ него исторія: про его хохляку, ссидеятельство старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба; сыпалъ на голову его бумажки, называя это сибиромъ...» «Но ни одного слова не отбѣвалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ писемѣ. Только, если уже слишкомъ былъ невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, хмѣлая запинаясь своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! Забудьте вы меня обиджате!» И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какими они были произнесены. Въ немъ слышалось, что-то такое преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человекъ, недавно опредѣлившійся, который, по призыву другихъ, позволялъ было себѣ похвастаться надъ нѣтъ, вдругъ остановился, какъ будто все переизмѣнилось передъ нимъ и показало въ другомъ видѣ: какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за привычныхъ свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ, съ лысеной на збу, съ своими привычными словами: «Оставьте меня! Забудьте вы меня обиджате?» И въ этихъ привычныхъ словахъ звѣлалъ другія

слова: «я братъ твой». И закрывая себя рукою бѣдный молодой человекъ, и много разъ содрогался отъ потѣхъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человекѣ безчеловѣчности, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной образованной свѣтскости и — Боже! — даже въ томъ человекѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ.» На этой страницѣ передъ нами сразу три живыхъ человека: самъ Гоголь, молодой товарищъ Акакіи Акакіевича и, наконецъ, Акакій Акакіевичъ. Въ этомъ послѣднемъ вдругъ заговорило его человѣческое «я». Оно заговорило робко и неуверенно по формѣ, но какое могучее и явное содержаніе вложено въ эти робкія и неуверенныя слова! Значитъ, таилась гдѣ-то даже въ этомъ замухрышкѣ-чиновникѣ большая сила, но таилась совсѣмъ загадочная жизнь, бѣднотная, безсмысленной работой. Этотъ ласканный человекъ, доведенный до крайноты ничтожества, обаянный и ослѣпленный, умѣетъ однако произвести нѣтъ переноску къ жизни другого, близкаго своему, и переноситъ, пошлѣдному, на всю жизнь, такой, который не производитъ обыкновенно даже «могуція» рѣчи проповѣдника. И вотъ, передъ нами живая, трепещущая человѣческая жизнь, которую вы способны даже осудить, до того ярко она выражена неопредѣлительными и даже обидными словами, но все же это — жизнь забытая, некачественная, такая, которой не должно быть!..

Достоевскій и о себѣ, и о своихъ современникахъ сказалъ какъ-то: «всѣ мы вышли изъ гоголевской «Шинели». Этимъ словами онъ, конечно, хотѣлъ подчеркнуть тотъ примыкъ къ страданію, который мы слышимъ въ великомъ произведеніи Гоголя. Несчастный замухрышка-чиновникъ вызываетъ къ нашей жалости, и мы, разумеется, не можемъ отказать ему въ ней. Гоголь подчеркивалъ внутренняго человека въ замухрышкѣ-чиновникѣ, въ свертомъ воздухѣ канцелярѣи, приписывая видъ живноту сущности. Это, конечно, великая заслуга автора «Шинели». Но не только она одна, хочется отмѣтить и другую: никто до Гоголя въ русской литературѣ по крайнѣй мѣрѣ, не показывалъ намъ, до какой степени приписанности можетъ быть доведенъ человекъ-человѣкомъ, до какого обезличенія... такъ что нужнѣе всепроникающій взглядъ гениа, чтобы отыскать душу, частію души подъ грудой всякаго напѣи паваленнаго хлама. Если и нельзя совсѣмъ уничтожить человека въ человекѣ, то можно въ значительной степени достигнуть этого осуществленія преступной и дьявольской мечты, и вотъ намъ — Акакій Акакіевичъ и другія герои гоголевской сатиры.

Какъ это ни странно, но это такъ. Дѣло въ томъ, что Гоголь изображалъ намъ Россію крѣпостную, и только съ, потрясавъ въ рабствѣ. Рабство же съ любой точки зрѣнія падало о духѣ кощакъ. Оно одинаково приписываетъ и калѣчить не только раба, но и ихъ господъ. Въ обиды и униженія, выписанные «музыками», оно какъ бы вымечтается на Маниловыхъ, Тѣлѣтниковыхъ, Ноздревыхъ. Штухахъ и т. д. Если оно не позволяетъ рабу стать человекомъ, то въ той же степени не позволяетъ оно стать человекомъ и влательцу-пошлѣнику. Возьмите немъ «аристократку», выведенную на сцену Гоголемъ, его горюдища, судью, пошлѣителя богоугодныхъ заведеній, пошлѣмейстера, затѣмъ пошлѣниковъ, и саранте себя, люди ли они? Конечно, да; но люди некачественные, о чѣмъ свидѣлствуютъ все ихъ пустая и пошлая жизнь, всѣ судороги ужаса, немыслимая имъ при встрѣчѣ съ болѣе сильными, чѣмъ они, ихъ распутство, ихъ лѣнь, ихъ низкая хамскія страсти въ снѣтлѣмъ, пресудамъ, насилью, ихъ полная неспособность устроити хотя сколько-нибудь во-человѣчскія свои жизнь, въ результатѣ чего и является это неизбежное распадѣе.

Въ обществѣ, основанномъ на рабствѣ, каковыми и была крѣпостная Россія, всѣ, или почти всѣ являются рабами. Хотя бы они и носили имя господъ. Гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ неспитали они некачественные ихъ рабство — это безразлично. Одинъ — въ дѣтствѣ, въ суровой атмосферѣ семьи того времени, другіе на низшихъ ступеняхъ службъ, дѣлая себѣ карьеру, и т. д. Тѣхъ или другихъ образомъ, но рабій духъ непремѣнно прививается и имъ. Этотъ

великий законъ общественной жизни былъ впервые понятъ и выраженъ въ чудныхъ образахъ Гоголемъ-художникомъ. До него можно найти лишь намеки на подобное толкованіе явленій общественной жизни. И, конечно, чтобы постигнуть это,

самъ близкій къ рабамъ по своему положенію, стремится стать господиномъ, и что онъ выноситъ по дорогѣ. «Жизнь при началѣ вышла на него кисло-непріятно». Отецъ занялся его воспитаніемъ и Павлуша цѣлый день долженъ былъ сидѣть

«Мертвые души». Чичиковъ у Бетрищева. Ориг. рис. М. М. Дальневича, арт. «Нивы».

нужна была творческая интуиція (проникновеніе, угадываніе) гения.

Въ лицѣ своего безсмертнаго Павла Ивановича Чичикова Гоголь показать намъ, какъ человекъ рабскаго общества, и

на лавкѣ съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ... «Вѣчная прощай передъ глазами: «не яги, послушествуй старшимъ и поси добродѣтель въ сердцѣ»; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый,

но всегда суровый голос: «опять задурить!», отказавшийся от презия, когда ребенок, насуща одиобразіем труда, придиравшись къ буквъ какую-нибудь кавыку или хвосты; и вѣчно знакомое, всегда неприятное чувство, когда, вѣдь за этими словами, кривашка уха его ссучивалась очень болѣло погляди длинныхъ протичущихся следи пальцевъ; ноть бѣдная картина первоначального его дѣтства». Въ школу онъ явился уже покатуй-то совершеннымъ хамомъ и здѣсь, такъ

исторія съ новытчиномъ. «Сначала Чичиковъ принялся угождать (новытчину) во всѣхъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсматривалъ внимательно чинку перьевъ, какими писали онъ, и приготавливалъ нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему ихъ всякій разъ подъ руку; сдувать и сметать со стола его песокъ и табакъ; завѣсть новую тряпку для его чернилницы; отыскавъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала на свѣтѣ, и всякій разъ

показывалъ ему, какъ онъ не долженъ и ссориться мальчишески: ему казалось, что они непременно должны надъ нимъ смиряться. Достаточно было тому, кто попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно ему было только пошевеливаться или какъ-нибудь пенарокомъ моргнуть бровью, чтобы попасть вдругъ подъ гнѣвъ. Учитель его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя вытисну запосинность и непокорность!—говорилъ онъ:—я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на коблѣнхъ! Ты у меня поголудеешь!» И бѣдный мальчикъ, самъ не зная, за что, натиралъ себя коблѣн и голодалъ по суткамъ. «Способности и дарованія—все это вздоръ!—говорилъ учитель:—я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально, а въ комъ я вижу дурной духъ, да нахлебщивость, я тому—нуль, хотя онъ Соломона заткни за по-

«Мертвая души». Чичиковъ и Муразовъ. Ориг. рис. М. М. Далькевича, авт. «Нипы».

яетъ!... «Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ учителя, и въ чемъ должно состоять поведенье. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ; ни бровью во все презіе класса, какъ ни цинали его следи; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометно и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ; подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему допастися разъ три на дорогѣ, безпрестанно снималъ шапку. Дѣло нѣмѣло совершенный успѣхъ». Та же школа хаметва продолжалась и на службѣ. Съ этой стороны любопытна его

клатъ возѣзъ него за минуту до окончанія присутствія: чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны, и т. д.

Всплнка и обильна родная страна: много въ ней еще и теперь Павловъ-Ивановичей Чичиковыхъ, а прежде, надо думать, было и того болѣе. Но кто же станеть отрицать, что Чичиковъ живой человекъ? Вспомните его увѣченіе губернаторской дочкой, когда онъ почти-что сталъ позтоухъ... Все это несомнѣнно «человѣческое» — слишкомъ человѣче-

своем. Жили, — но, конечно, жизнь низкая и пошлая, без сознания собственного достоинства, без преследования каких-бы то ни было высших целей, загнанные из самого источника, с детства запертые, убитые только приспособлениями — быть в нем ключом. Когда Чичиков моется, открывает свою шкапулку, одевается на баль, разговаривает с Маниловым, торгуется с Собакевичем, спорит с Подрезным, мошенничает и т. д., вы видите в нем действительно только такую жизнь...

Гоголь хотел видеть через собой людей-подвижников, таких, которые, соприкоснувшись при мысли о смерти, как содрогались отъ самъ, перестали бы относиться къ жизни съ животной жадностью, съ потворствомъ всемъ своимъ похотямъ и всей своей низости. Видъ тотъ что изображалъ ему и что онъ изображалъ изъ своихъ рассказовъ о художникахъ. Тотъ и самъ увеличилъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ, уже и она становилась ему недостаточной и недолгой строгою. Онъ удалился съ благословения настоятеля въ пустынь, чтобы быть совершенно одному, и т. д. Что же передъ такимъ вотъ подвижникомъ Чичиковъ или Маниловъ?

Очень можетъ быть, что въ образованномъ центрѣ въ те-перь не наткнется ни на Коробочку, ни на Подреза, но покажите въ глушь Россіи, и можно поручиться, что вы будете имѣть удовольствіе пообзавать съ Маниловымъ, встрѣтите въ мѣстномъ клубѣ Подреза, который посѣтъ второй же фразы станетъ съ нами на «ты», увлечется какой-нибудь дамой пріятной по всѣмъ отношеніямъ, и, вѣрнѣе, партнерами въ шашъ предложатъ себя трое Чичиковыхъ. Нормально, какъ это люди такъ мало измѣнились за 70—80 лѣтъ, и притомъ какихъ лѣтъ! Конечно, даже и тамъ, въ глубинѣ отечества, они стали поперѣтъ, но, к сожа-

елю, одѣвъ ихъ въ костюмы 20—30-хъ годовъ и дай намъ новато Гоголя, и онъ намъ сейчасъ же нарисуетъ и предѣлаетъ палаты, который звать паузуютъ «Людмилу» Жуковского, и почтмейстера и т. д. Даже остроги останутъ же самыя и приемы обращенія. Гдѣ въ провинціи вы не услышите отъ измѣненныхъ Гоголемъ: «любезный другъ, Иванъ Ильичъ!» «Послушай, братъ Антипаша Захаревичъ!» «Ты заврался, мамочка Иванъ Григорьевичъ». И развѣ это не характерно, какъ тогда, такъ и теперь, что къ почтмейстеру, которого звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: «Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андреичъ». Гдѣ, получаяе знакомство, нельзя такъ просто и легко обдѣлать свои дѣла и дѣлшки, какъ это удалось Чичикову въ городѣ N? А главное, гдѣ и въ чемъ видно, чтобы содержаніе жизни расширилось и стало инымъ, чтобы разслѣченіе не ограничилось бы попрежнему картами и попойкой, чтобы обыватель и всѣ дѣла его измѣнили свой тусклый, сѣренькій видъ? Въ дружной (навидѣ) семьѣ чиновниковъ, описанной Гоголемъ, нахлестъ жизнью запахомъ пріятельства, престоудія, короткости: сами они люди степенные: ни себя, ни Бога не захватываю; но сравните описаніе Гоголя (10-ые и 20-ые годы). Герцена, Островскаго и Щедрина (40-ые, 50-ые и 60-ые годы), возьмите современныхъ писателей, такъ удивительно изображающихъ провинціальный бытъ, напр. Чехова, и вы увидите, что нашъ чиновникъ, служащій, остался почти-что тѣмъ же самымъ на протяжении всего столѣтія. Губернскій городъ нѣсколько измѣнился, но уѣздъ тотъ подается всему новому. Словомъ, Гоголь своими описаніями такъ глубоко захватилъ самую суть нашей общественной жизни, что тины, имъ созданныя, еще Богъ вѣсть когда отойдутъ въ области преданія.

Е. Соловьевъ.

Къ рисункамъ.

Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Гоголь покинулъ міръ. Но онъ остался навсегда жить среди насъ своими мыслями, образами, своими духовными складами. Вместе съ тѣмъ, остался еще и нѣтъ, болѣе осязаемые, гоголевскія реликвии: въ настоящее мѣ «Нивы» читатели найдутъ цѣлую серію рисунковъ, посвященныхъ памяти великаго писателя, и изображающихъ то, что осталось отъ Гоголя и отъ его времени, и что служитъ для насъ предметомъ благоговѣйнаго почтенія его памяти.

На первомъ мѣстѣ мы помѣщаемъ рисунокъ, изображающій **Гоголя въ гробу**, въ университетскій церкви въ Москвѣ. Рисунокъ этотъ еще нигдѣ не былъ напечатанъ и появляется въ «Нивѣ» впервые. Онъ былъ исполненъ съ натуры художникомъ-любителемъ А. Истрейновымъ. Истрейновъ подарилъ его своему другу, помѣщику И. В. Гондырену, и въ семьѣ Гондыревыхъ этотъ рисунокъ хранился до послѣдняго времени, а нынѣ пріобрѣтенъ нами отъ князя Ковалевскаго. Покойный Гоголь, изображенный карандашомъ Истрейнова, сохраняя на смертномъ одрѣ все свои типичныя черты; носъ его только, какъ вообще у покойниковъ, заострился, да спокойствіе смерти гладко рѣзкій морщины его страданій.

Гоголь похороненъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Данилова монастыря. **Могила** его представлялъ черный саркофагъ въ видѣ гроба, обнесенный большими, отдѣльно поставленными, жидкими крестами. На одной изъ сторонъ гроба имѣлась начертанная золотомъ въ высшей степени характерная для Гоголя надпись: «Горькимъ словомъ моимъ посѣяны» (Иеремія, глава 23, ст. 8).

Въ настоящее время могила великаго писателя имѣетъ, какъ вы видите, у насъ, довольно печальный и запущенный видъ: она всецѣло занята сѣножатъ; жидкій крестъ стоитъ, пошатнувшись, на боги, и испаряясь разными надписями. Нужно надѣяться, что во время юбилейныхъ торжествъ могила будетъ приведена въ порядокъ.

Кромѣ того, мы даемъ въ этомъ номерѣ «Нивы» два дупшихъ портрета Гоголя и партину Волкова, на которой Гоголь изображенъ въ деревенской обстановкѣ, въ его родной усадьбѣ **Васильевкѣ**, гдѣ онъ по временамъ любилъ слушать народные преданія, передаваемые «побарями».

Гоголь, какъ известно, жилъ некоторое время въ г. Калугѣ, гдѣ у него были задуманные друзья—калузскій губернаторъ Н. М. Смирновъ и его жена, замѣчательная русская женщина, А. О. Смирнова: та самая Смирнова, которая была коротко знакома съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и всѣмъ цвѣтомъ тогдашней русской

литературы, и которая оставила цѣпнымъ воспоминаній объ этихъ знаменитыхъ нашихъ писателяхъ.

Живя въ Калугѣ зимой 1849 года, Гоголь отдымалъ и дописывалъ вторую часть «Мертвыхъ душъ». Здѣсь же онъ впервые и прочиталъ ее въ обществѣ Смирновыхъ и ихъ родни. Это замѣчательное событіе происходило въ іюнѣ упомянутого года. Очевидецъ рассказывалъ объ этомъ чтеніи, что всѣ собрались въ 11 часовъ утра на балконѣ, уставленномъ нѣмыми. Смирнова сѣла за пианно, и Гоголь началъ читать.

Чтеніе происходило въ домѣ Смирновыхъ на такъ называемой «Губернаторской дачѣ». Эта дача существовала въ Калугѣ и нѣтъ и представляетъ собой одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ гоголевскихъ памятниковъ.

Она расположена на берегу крутого оврага, откуда открывается чудный видъ на долину рѣки Тѣплицы и на далекій сосновый боръ. Направо уходятъ вдаль пологіе холмы и роща, изъ-за которой сияютъ главы Лаврентьевскаго монастыря; нѣлво сиянію вдали высятся берега Оки. Дача представляетъ собою простую, сѣраго цвѣта, одноэтажную домъ съ мезониномъ и съ узкими стеклянными балконами, выходящими въ садъ. На этомъ-то балконѣ Гоголь и читалъ свои геніальныя страницы, которые намъ не суждено никогда прочесть, — страницы, преданныя впоследствии сожженію.

Въ духѣмъ, шагахъ отъ дачи, тутъ же надъ оврагомъ, находится прекрасный, сарабразный деревянный **Фингаль** съ низенькимъ крыльцомъ. Фингаль поносился отъ времени и порядочно обветшалъ. **Здѣсь жилъ Гоголь** во время своего пребыванія въ Калугѣ. Фингаль этотъ потому поправился Гоголю, что онъ могъ жить здѣсь въ полномъ уединеніи. Кромѣ того, въ ономъ отрывался прекрасный видъ, что также пришлось нашему великому писателю по душѣ.

Губернаторъ Н. М. Смирновъ былъ однимъ изъ очень немногихъ высшихъ бюрократическихъ лицъ того времени, стоявшихъ значительно выше рутинны и правившихъ вырѣзнымъ изъ дѣла, но только за страхъ, но и за совѣсть. Онъ дѣлательно боролся съ казноубиствомъ и имѣли темными сторонами подчиненнаго ему чиновничьяго міра, который нѣтъ не отличался отъ того міра, который изображенъ въ «Ревизорѣ».

Похвѣнная въ настоящеемъ № группа чиновниковъ **калузскаго губернскаго правленія** съ Н. М. Смирновымъ во главѣ—фотографическій снимокъ съ акварели худ. Алексѣева. Оригиналь, т. е. самая акварель хранится у одного изъ калузскихъ старожиловъ; снимокъ же въ настоящее время находится въ калузскомъ городскомъ музеѣ. Среди чиновныхъ лицъ, окружающихъ губернатора, мы должны обратить особое вниманіе, кромѣ

самого П. М. Смирнова, на оригинальную фигуру В. И. Быковского (съ правой стороны)—инспектора врачебного управления. Это был добрый человек и превосходный врач, и Гоголь въ особенности обаялся с ним во время своего пребывания в Калуге.

Обратимся теперь къ тѣмъ памятникамъ безсмертія, которые Гоголь оставилъ міру: къ неизбежнымъ образамъ его творческой фантазіи, знакомымъ и дорогимъ каждому изъ насъ съ дѣтства:

Ноздревъ показываетъ Павлу Ивановичу щенка на постояломъ дворѣ у старухи: — «Вотъ, щенокъ! Посмотри-ца, Чичиковъ, посмотри, какія уши! На-ца, пощупай рукой!» И прелестный Павелъ Ивановичъ — не слишкомъ толстый, не слишкомъ худой, въ аккуратномъ фракѣ и бровяхъ, чисто выбритый и пріятнѣйшій въ обращеніи, снисходительно дотрагивается до ушей поздравленнаго

щенка. Блѣзкурий «Остожокъ» туго и вѣдо поглядываетъ на эту сцену.

Плюшкинъ — истерзаннѣй, измученнѣй, похожій на старую бабу, читается въ немъ съ Павломъ Ивановичемъ «сестрицы всѣхъ этихъ тупоумцевъ» — т. е. мертвыхъ душъ, которыхъ онъ собираетъ продать Чичикову: «И какъ знать, всѣхъ ихъ списать на особую бумажку, чтобы при первой продажѣ рубли ихъ вычерпнуть...»

Величійшимъ **генералъ Бетрищевъ** такъ расхохотался надъ выдумкой Чичикова (обмануть дядю, вручивъ ему купчую на мертвую душу), что «какъ былъ, такъ и покатился въ презю. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. **Улиткина** приобкакала въ испугъ...»

Наконецъ, вотъ и старикъ-**Мурашовъ** предъ нами: — «Ахъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ! — говорить онъ Чичикову, обнимая его ноги: — какъ такъ осмѣлю это изустить! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!»

Рисунки М. Дальсевича вытѣли изъ русскаго изданія «Мертвыхъ душъ», вышедшаго въ свѣтъ А. Ф. Маркса въ 1901 году. Намъ, русскимъ читателямъ, рѣдко удается видѣть своихъ любимыхъ авторовъ хорошо иллюстрированными. Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, А. Толстой создали цѣлую плеяду съ дѣтства знакомыхъ и дорогихъ намъ образовъ, но эти образы еще по большей части ждутъ своей очереди быть изображенными рукой художника въ художественномъ же изданіи. Зато Гоголь, и въ частности его иллюстраторы, знаменитая «школа» поднялась въ свѣтъ въ достоинствѣ своей славы видѣ.